Дата поступления рукописи в редакцию: 05.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-32-35

КУЗНЕЦОВ Дмитрий Михайлович,
Новосибирский государственный университет,
студент IV курса,
e-mail: dima.k.804@mail.ru

ПРИНЦИП ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МНОГООБРАЗИЯ В РОССИИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ

Аннотация. *В настоящей статье рассматривается принцип идеологического многообразия в качестве одного из основных столпов демократического государства. Принцип анализируется как самостоятельная единица, так и в системе законодательства и права. Отдельная оценка дается экстремистской деятельности, в частности тенденций законотворческого процесса в отношении этого явления. Взаимодействие принципа идеологического многообразия и противодействия экстремизму представляется с учетом политических решений и особенностями временных рамок их принятия.*

Ключевые слова: *плюрализм, политический плюрализм, конституционный плюрализм, экстремизм, экстремистская деятельность, идеология, принцип идеологического многообразия, принцип соразмерности.*

KUZNETSOV Dmitry Mikhailovich,
Novosibirsk State University 4th-year student

THE PRINCIPLE OF IDEOLOGICAL DIVERSITY IN RUSSIA AND COUNTERING EXTREMISM

Annotation. *This article examines the principle of ideological diversity as one of the main pillars of a democratic state. The principle is analyzed as an independent unit, as well as in the system of legislation and law. A separate assessment is given to extremist activity, in particular the trends of the legislative process in relation to this phenomenon. The interaction of the principle of ideological diversity and countering extremism is presented taking into account political decisions and the specifics of the time frame for their adoption.*

Key words: *pluralism, political pluralism, constitutional pluralism, extremism, extremist activity, ideology, principle of ideological diversity, principle of proportionality.*

Плюрализм в философском контексте представляет собой идею, признающую множество независимых начал бытия или оснований знаний, эта концепция отрицает единство мира. Многообразие взглядов может проявляться во всем: в политике, этике, религии, науке. Истоки плюрализма неразрывно связаны с такими категориями, как «свобода», «власть» и «собственность» [1]. Политический плюрализм в общем смысле служит индикатором демократического государства. Он же, в частности, выражается в идеологическом многообразии. Это явление нашло свое отражение в ст. 13 Конституции Российской Федерации, что закономерно делает его ключевым элементом основ конституционного строя России.

Первостепенно необходимо разобраться с понятийным аппаратом. Под идеологией в целом понимается система политических, правовых, религиозных, этических, эстетических и философских взглядов, идей и теорий. Рассматривая этот же термин, но через призму конституционного права, Авакьян С. А. определяет ее как систему идей, ценностей и мировоззренческих установок, признаваемых и защищаемых Конституцией, которая служит ориентиром для развития общества и правовой системы , при этом одновременно выступая инструментом ограничения государственного произвола и гарантией политического плюрализма [2]. Социальная направленность прослеживается во взглядах Кокотова А. Н., который считает идеологию совокупностью фундаментальных убеждений и ценностных ориентиров, разделяемых обществом и властью, которые формируют основу для солидарности, доверия граждан к праву и государственным институтам, легитимируя публичную власть и конституционный строй [3]. Тут делается важный акцент на совокупности, но не на однородности убеждений. Исходя из противного, отсутствие

конфронтации взглядов ведет к нелегитимности власти, а отсутствие компромисса противостоящих групп – к латентности проблем, ведь принятые решения не учитывали все факторы.

Спустя более 30 лет с момента принятия Конституции Российской Федерации, вопрос идеологического аспекта до сих пор поднимается в юридических круга. В рамках XI Петербургского международного юридического форума разгорелась дискуссия относительно ст. 13 основного закона. Председатель Следственного комитета Бастрыкин А. И. заявил, что в России идеология была всегда и нужна сейчас. Глава Министерства юстиций Чуйченко К. А. поддержал его и упомянул, что ст. 13 вступает в противоречие с принятыми государственными ценностями. Важно обратить внимание на вопрос, является ли Конституция внешней формой выражения для источника идеологии. Если признавать ее таковым, то это будет значить ее ничтожность, ведь ч. 1 ст. 13 говорит: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие». Такое положение естественным образом недопустимо ввиду того, что основной закон выражает идеологический конституционализм, что подразумевает под собой исторически обусловленную, аксиологически насыщенную систему принципов и ценностей, лежащую в основе российской модели конституционализма, которая обеспечивает единство правового пространства, конституционную идентичность и служит защите национального суверенитета от внешних деструктивных влияний [4]. Именно в этом контексте плюрализма быть не может, ведь он един и выражен в одном документе, обладающим наивысшей юридической силой.

Возвращаясь к нормативному толкованию статьи 13 Конституции Российской Федерации, законодатель не устанавливает право субъектов, а запрещает ограничение этого права, что не характерно для российской правовой системы, подобный «негативный» метод наиболее ярко выражен в поправках Конституции США. Принцип идеологического многообразия обусловлен правом человека на свободу мысли, слова, информации, совести, вероисповедания, преподавания, отменой цензуры и т.д. Гарантиями этого принципа выступают следующие конституционные права:

1. право неприкосновенности частной жизни, право личной и семейной тайны, право защиты своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23 Конституции);
2. право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23 Конституции);
3. свобода мысли и слова (ч. 1 ст. 29 Конституции);
4. свобода СМИ (ч. 5 ст. 29 Конституции);
5. право свободно выражать свои мнения и убеждения (ч. 3 ст. 29 Конституции).

Соответственно принцип можно понимать, как разрешено все, что не запрещено законом и не нарушает прав и свобод других лиц. Запрещены следующие идеи: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ч. 5 ст. 13 Конституции Российской Федерации). Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ч. 2 ст. 29 Конституции Российской Федерации). В том числе в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации допускается ограничение прав и свобод человека и гражданина федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Экстремизм – явление, угрожающее существованию государства как такового. Ввиду роста протестных настроений конца 90-х и начала 2000-х годов и обострения национального вопроса не только в России, эта тенденция прослеживалась по всему миру, в 2002 году был принят Федеральный закон №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Несмотря на такую значимость, с 2002 года так и не выведено легальное определение экстремизма или экстремисткой деятельности. Отсутствие определение, тем не менее, компенсируется конкретным перечнем объективной стороны деяния, установленным ст.1 Федерального закона, а именно:

1) насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности государства;
2) публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
3) проявление идеи превосходства одного класса (социального, расового, религиозного и т.д.) над другим;
4) воспрепятствование осуществлению политических права посредством насилия либо угрозы его применения;
5) воспрепятствование нормального функционирования публичной власти;
6) а также все остальные преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Общим признаком для всех преступлений, подпадающих под категорию экстремизма, является насилие (его применение, угроза или оправдание). Другая важная характеристика – это руководящая идея, то, почему совершается преступление. С одной стороны ее можно понимать как причину, а с другой – как цель. Идея выражается в неравенстве, что изначально противоречит положениям статьи 19 Конституции, которая устанавливает запрет на любые формы проявления ограничения прав и свобод человека по признакам пола, расы, национальности, языка и т.д. Тут вырисовываются рамки свободы – множественность взглядов допустимо, но лишь в том случае, если эти взгляды соответствуют общепризнанным принципам права и положениям глав 1, 2 и 9 Конституции. Особое внимание нужно уделить первым двум. Первая глава Конституции закрепляет основы конституционного строя, эти основы незыблемы, а в случае их нарушения институт государства как такового рушится незамедлительно. Глава вторая декларирует права и свободы человека и гражданина, что является элементом основ конституционного строя России, так как выводятся из статьи 2 Конституции: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью».

Стоит обратить внимание, что пункт 13 перечня имеет открытую формулировку, несмотря на достаточно казуистичную юридическую технику. Специальный федеральный закон не устанавливает преступность деяний, а лишь конкретизирует определенные стороны объективной стороны преступлений, которые расположены в гл. 29 УК РФ. Закон не дает определения экстремизму, но позволяет определить его посредством формы выражения.

Однако, закон указывает и на субъективную сторону (пункт «е» части первой статьи 63 УК РФ), что позволяет нам отнести любые преступления к экстремистским при наличие определенного мотива. Субъективная сторона преступления наиболее сложна в доказывании, поэтому такая дискреция может играть как за, так и против правоохранительных органов. Здесь часто прослеживаются злоупотребления, обвинительный уклон при трактовки действий обвиняемых. В Постановлении Пленума Верховного Суда от 28 июня 2011 года №11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» говорится, что высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах при отсутствии намерения побудить лиц к экстремисткой деятельности не являются преступлениями. Конституционный Суд в Определении № 579-О/2025 указал на отсутствие неопределенности в диспозиции статьи 280 УК РФ, а, значит, лицо не лишено возможности осознавать противоправные последствия своего деяния. Такой тезис может идти в разрез с выводами Верховного Суда. При отсутствие у лица мотива, но наличие последствий, ответственность будет возлагаться на лицо, которое не осознавало возможность такого исхода, но должно было.

Взаимодействие двух правовых категорий опосредованно от системы законодательства или системы права в целом невозможно, по причине ее согласованности и взаимосвязанности, иначе она не была бы системой. Поэтому в целях справедливого урегулирования общественных отношений применяется не менее важный конституционный принцип соразмерности. Он закреплен в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации и допускает ограничение прав и свобод лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, и только Федеральным законом. С точки зрения системного толкования принцип соразмерности связан с ядром принципа разделения властей в контексте системы сдержек и противовесов (ст. 10 Конституции Российской Федерации), с принципом правового государства (ч. 1 ст. 1, ст. 15 Конституции Российской Федерации). Примечательно, что в том же 2002 году Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении №1-П отметил, что принцип соразмерности обусловлен «природой Российской Федерации как правового государства (статья 1, часть 1; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации)».

Основные права – это в первую очередь права на защиту от государственных вмешательств. Вместе с тем неурегулированное осуществление конституционных свобод неизбежно ведет к конфликтам с публичными интересами и правами других лиц [5]. Баланс интересов – это ключ к правопорядку и устойчивому развитию общества и государства. В настоящее время мы можем наблюдать сдвиг этого баланса в сторону ужесточения наказаний и упрощения привлечения к ответственности. В июле 2025 года Государственной Думой Российской Федерации был принят ряд изменений в Закон «О средствах массовой информации», Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», КоАП РФ и УК РФ.

Подобные действия продиктованы внешними обстоятельствами и в большинстве своем носят не юридический, а политический характер.

При этом важно понимать, что политические решения несут политические последствия, которые в частности могут отразиться на показателях в электоральные циклы. Однако, общественные отношения не статичны, а имеют динамику, каждое их движение, по общему правилу, сопровождается изменениями законодательства. Оно должно реагировать на потребности общества на каждом историческом этапе развития. Представляется разумным, что тенденция ужесточения и перекоса системы в сторону контроля и ограничения прав не будет исключением. Идеологическое многообразие, политический плюрализм являются двигателем развития государства. В споре рождается истина, поэтому государство не должно игнорировать другие точки зрения, но при этом оно должно защищать конституционный строй, права и свободы граждан, которые могут притесняться категорическими идеями. Перед государством стоит задача – на острие двух парадигм найти баланс.

Список литературы:

[1] Кравец И. А. Ценность конституционной теологии и конституционной легитимности политического и идеологического многообразия: доктрина и практика // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – №3 (4). – С. 80.

[2] Авакьян С. А. Конституция. Конституционализм. Конституционный Суд: монография // Москва: Проспект. – 2021. – С. 152.

[3] Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право : монография // Москва: Норма. – 2025. – С. 192.

[4] Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России: монография // Москва: Норма. – 2019. – С. 448.

[5] Фосскуле А. Принцип соразмерности // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 1. – С. 158-163.

References:

[1] Kravets I. A. Value of the teleology and constitutional legitimacy of the political and ideological diversity (pluralism): doctrine and practice // Russian journal of legal studies. – 2015. – №3 (4). – P.80. (In Russ.)

[2] Avakian S. A. Constitution. Constitutionalism. The Constitutional Court: a monograph // Moscow: Prospekt. – 2021. – P. 152. (In Russ.)

[3] Kokotov A. N. Trust. Distrust. Law: monograph // Moscow: The Norm. – 2025. – P. 192. (In Russ.)

[4] Zorkin V. D. Constitutional and legal development of Russia: a monograph // Moscow: The Norm. – 2019. – P. 448. (In Russ.)

[5] Fosskule A. The principle of proportionality // Comparative Constitutional Review. – 2015. – № 1. – P. 158-163. (In Russ.)

